

Биндюжник и профессор

Если бы я не знал, с кого писал Исаак Бабель своего знаменитого Фроима Грача, я был бы абсолютно уверен, что он писал его с Бени Берковича. И это несмотря на то, что Фроим Грач, как известно, был биндюжник, а Бенья Беркович – профессор скрипки в нашей консерватории. Всё остальное совпадало полностью. Широкоплечий, коренастый, с бычьей шеей и яростными глазами навывкате, Бенья, как и Фроим, не отличался особой интеллигентностью. Да и на скрипке, честно говоря, никто не слышал, чтобы он когда-нибудь играл...

Но любая одесская мамаша, обсуждая со знатоками этого дела, кому бы отдать своего отпрыска учиться на будущего Яшу Хейфеца, всегда слышала в ответ одно и то же:

– Бене, и только Бене!.. Всё остальное – выброшенные деньги!..

И так утверждали не случайно. Дело в том, что в крупной, поросшей рыжей щетиной Бениной голове постоянно вертелась какая-то странная, непонятно как попавшая туда пластинка с идеальным исполнением самых сложных скрипичных произведений. И пока Бенья, прислушиваясь к ней, не добивался от своих учеников хотя бы отдаленного сходства с идеалом, он не успокаивался. Средства воздействия на учеников в данном случае он применял примерно те же, что и Фроим Грач по отношению к лошадям. То есть окрики, понукания и побои.

– Быстрее! Быстрее, я вам говорю!.. – доносилось, бывало, во время занятий из Бениного класса. – Ну, кто же в таком темпе играет Чайковского?! Только такой недоношенный мерин, как вы, Рафалович!.. А ну-ка ещё быстрее! Ещё!.. Пошёл, я тебе говорю. Пошёл!.. А то как огрею смычком!.. Что, устал? Ну хорошо... Стой! Да стой ты уже, черт бы тебя побрал... Тпру!.. Вот же глупая скотина! То не разгонишь его, то не остановишь... Ладно, отдохни, так уж и быть... Попей водички...

Надо сказать, что такая методика давала совсем не плохие результаты. Почти все Бенины ученики становились приличными скрипачами. Иногда очень приличными. Но, увы, не великими. А Бенья хотел воспитать именно великого. То есть такого, который обессмертил бы наконец его как педагога... Почему такой ученик не появлялся у него до сих пор, Бенья знал абсолютно точно.

– Вы же бездельники! – рокотал он на своих изможденных каторжным трудом воспитанников. – Ну и сколько часов в сутки вы занимаетесь на скрипке? Ну, десять-двенадцать. А должны заниматься двадцать шесть! В худшем случае – двадцать пять!

– Но в сутках всего двадцать четыре! – оправдывались ученики.

– Кто вам это сказал? – ярился Бенья. – Эту чушь придумали такие же ленивые обезьяны, как вы! А даже если предположить, что действительно двадцать четыре?.. Так вы бы что, занимались все это время? Вы же находите себе любые отговорки! Вам, видите ли, нужно есть, спать... Я знаю, что там ещё?.. Студент Ковальчук, говорят, вчера вообще женился. А вот интересно, Ковальчук, расскажите своим товарищам, с кем вы провели эту вашу брачную ночь?

– С женой, естественно...

– Так я и думал! – торжествовал Бенья. – А знаете почему? Потому что Ковальчуку было абсолютно всё равно, с кем провести эту ночь, только бы не с инструментом! В общем, о чём с вами разговаривать?!

Найти ученика, который мог бы долгие годы заниматься все двадцать четыре часа в сутки, постепенно стало для Бени идеей фикс. И, в конце концов, счастье ему улыбнулось.

Тихий тщедушный Сенечка, в возрасте семи лет найденный Бенею где-то на окраинах Кишинёва, был явно одарённым мальчиком.

– Отдайте мне вашего ребёнка, – заявил Бенею Сенечкиным родителям, – и я сделаю из него второго Яшу Хейфеца, чего бы ему это ни стоило...

– А если из Сенечки всё-таки не получится второй Яша? – засомневались родители.

– Значит, вам придется родить себе второго Сенечку! – отрезал Бенею.

Короче говоря, вскоре Сенечка был переведён из своей кишинёвской коммуналки в Бенею профессорскую квартиру, и великий педагогический эксперимент начался.

Конечно, сразу выйти на полных двадцать четыре часа занятий в сутки не удалось. Как и любому живому организму, какое-то время требовалось Сенечке для приёма пусть даже очень скудной пищи. Да и ночью, когда профессор не мог этого контролировать, Сенечка забывался иногда коротким тревожным сном. Но каждое утро ровно в четыре часа его поднимал будильник, и дальше уже всё шло по расписанию. С четырёх до шести, чтобы не будить Бенею с женой, Сенечка играл в туалете. Затем, когда хозяйка просыпалась и шла в туалет, онна полчаса переходил заниматься в ванную, затем на кухню. Потом, пока профессор с женой завтракали на кухне, Сенечка совершенствовался в коридоре. И только в восемь, когда все уходили на работу, в его распоряжении оставалась вся квартира, то есть кладовка, где его запирали, чтобы ничто не отвлекало от занятий. И выпускали только вечером, когда Бенею возвращался из консерватории и уже лично сам занимался с Сенечкой по несколько часов в кабинете, проверяя сделанное ребёнком за день и давая ему задание на следующую ночь.

Так прошло Сенино детство, а затем отрочество и юность. Результат был феноменальным. На выпускном экзамене в нашей консерватории, где Сенечка якобы занимался на заочном отделении с целью получения официального диплома, он в таком немыслимом темпе сыграл самую виртуозную программу, что обалдевшие члены комиссии еле успели вывести в своих ведомостях пятёрки с плюсом. Но дальше нужно было сдавать научный коммунизм!.. А этот предмет, столь необходимый будущему второму Хейфецу, Сенечка сдать не мог. Поскольку не прочитал в своей жизни ни одной, даже более интересной книги. Три раза пытался он сдавать – и всё безрезультатно. И тогда в дело снова вмешался Бенею.

– Семён! – сказал он ученику. – Завтра ты в последний раз идёшь сдавать научный коммунизм. Я уже договорился с преподавателем. Тебе зададут три вопроса. Вопрос первый, биографический: где ты родился? Ответ – в Кишинёве. Запомнил? Вопрос второй, по культуре: где находится Молдавский театр оперы и балета? Ответ – в Кишинёве. И, наконец, вопрос третий, политический (всё-таки это научный коммунизм): как называется столица Молдавской Советской Социалистической Республики? Ответ – Кишинёв. Тебе всё ясно? Значит, экзамен завтра. То есть у тебя впереди ещё целые сутки. Иди, готовься!

И Сенечка сдал научный коммунизм! Он получил „четыре”. Видимо, какой-то из этих вопросов всё-таки вызвал у него затруднения...

Но это было ещё не всё. Как известно, Яша Хейфец номер один стал тем, кем он стал, только после того, как переехал из России в Америку. Этот же путь предстояло проделать и Хейфецу номер два. Конечно, в семидесятые годы отправить Сенечку в самое логово капитализма было даже для Бени сложнее, чем помочь ему сдать научный коммунизм. Но

Беня решил и эту задачу. Уж как он отыскал где-то в Черновцах ещё сравнительно молодую вдову, имевшую разрешение на выезд в США с целью объединения с горячо любимой двоюродной тетей, остается загадкой. Но Беня отыскал её и представил своему ученику в качестве невесты.

– Бе-е-ениамин Моисеевич!.. – взмолился было Сеня, который при виде своей будущей жены сделался на какое-то время заикой.

– Прекрати! – строго прервал его профессор. – Да, она не Мерлин Монро. Но, по-моему, так даже лучше. Во всяком случае, её внешний вид никогда не будет отвлекать тебя от занятий!

И молодая чета отбыла в Нью-Йорк.

А вся Одесса застыла в ожидании мирового триумфа Сени, а значит, и Бени. И ждала лет пятнадцать. Причём, как оказалось, совершенно напрасно.

Как выяснилось впоследствии, попав в Америку и оглянувшись вокруг, Сеня наотрез отказался ехать в Нью-Йорк, а, наоборот, узнав, что какой-то оркестрик в тихом провинциальном городке остро нуждается в скрипаче на последний пульт вторых скрипок, поехал прямо туда. Услыхав его игру, местный дирижёр, естественно, чуть не упал в обморок и сразу же предложил Сене работу солиста. Но Сеня наотрез отказался.

– В гробу я видел так упираться! – заявил он. – Только вторые скрипки! И только последний пульт! Не возьмете – уеду!..

– Да что вы такое говорите! – испугался дирижер. – Конечно, возьмём! В конце концов, Бостонский оркестр славится тем, что у них самая лучшая в мире струнная группа. Чикагский – что духовая. Так мы теперь прославимся тем, что у нас самый лучший в мире последний пульт вторых скрипок!...

– А вот теперь всё! – объявил Сеня жене, получив первую зарплату. – С этого дня я начну возвращать себе то, чего меня лишили в детстве!

И начал возвращать. На скрипке он больше не занимался. Играл только на работе. Всё остальное время на протяжении нескольких лет Сеня безудержно ел. Пирожные, мороженое, конфеты. Ел и смотрел телевизор. На остальные деньги каждый день покупал себе детские игрушки: машинки, самолётики, танки... Потом начал читать. Выписал из России „Дядю Стёпу” и „Приключения Незнайки”. Годам к сорока прочёл „Тимура и его команду” и начал заглядываться на старшеклассниц...

Я встретил его недавно в Америке прямо на улице. В огромном розовощеком толстяке можно было узнать нашего Сенечку, только если предположить, что его кто-то долго и упорно накачивал автомобильным насосом.

– Ты уже сегодня обедал?! – закричал он мне вместо приветствия. – Очень хорошо. Я тоже. Значит, сейчас будем обедать опять. В этой стране вообще глупо обедать один раз в день. Ты посмотри, сколько вокруг всего наготовлено...

И обязательно передай Бене, что я ему очень благодарен.

Ну, действительно, как тут живёт наша эмиграция? Работа, работа и ещё раз работа... А я благодаря Бене всё своё уже отработал в Одессе. Теперь вот здесь отдыхаю...

Было бы ужасно, если б получилось наоборот...

Не передам, думал я, возвращаясь в Одессу. Наверное, Бене это не понравится.

Человек так мечтал воспитать второго Яшу Хейфеца – и что получилось?

А может, он сам виноват? Может быть, в деле воспитания гениев и лошадей нужен не только кнут, но и пряник?

То есть хотя бы чуточку любви и свободы? Странно, что такой профессор, как Бенья, этого не знал. Вот Фроим Грач небось понимал эту простую истину. Может, поэтому Бабель и не писал своего Фроима с нашего Бени?

Да, что ни говори, а хорошего биндюжника можно написать не с каждого профессора.

Георгий ГОЛУБЕНКО.